

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ
ОЛЬГА ВОЛОДАРСКАЯ
АЛЬБИНА НУРИ
ГАЛИНА РОМАНОВА
АЛЕКСАНДР РЫЖОВ
НАТАЛЬЯ ЛЕБЕДЕВА
ЕЛЕНА ЛОГУНОВА

ОПАСНЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-60

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Опасные драгоценности : сборник. —
О-60 Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225403-1

Сияние драгоценных камней издавна притягивает внимание и завораживает. Их обаяние настолько велико, что люди, стремясь завладеть этими сокровищами, иногда решаются на преступления. Об этом повествуют остросюжетные рассказы из сборника «Опасные драгоценности». В книгу вошли произведения ведущих авторов российского детектива — таких как Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Ольга Володарская — и других известных писателей.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225403-1

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

• СОДЕРЖАНИЕ •

Александр Рыжов

ЧЕРНЫЙ ДЕРВИШ

7

Анна и Сергей Литвиновы

ЗАПРЕТНАЯ СТРАСТЬ

60

Ольга Володарская

К ГАДАЛКЕ НЕ ХОДИ

67

Альбина Нури

ПЕРСТЕНЬ ПОКОЙНИЦЫ

113

Татьяна Устинова

ДЕЛО ОБ ИЗУМРУДЕ

140

Галина Романова

СЕМЕЙНАЯ ЦЕННОСТЬ

149

Наталья Барабаш

АЛМАЗНАЯ ЗВЕЗДА ИМПЕРАТРИЦЫ

189

Елена Логунова

ДЕРЕВО С СЕКРЕТОМ

277

АЛЕКСАНДР РЫЖОВ

• ЧЕРНЫЙ ДЕРВИШ •

идела себе Анита за столом и вышивала. А что прикажете делать, когда на улице уже час как сыплет мелкий противный дождь пополам со снежным просом? После завтрака она потопталась на крыльце, кутаясь в шерстяную шаль и раздумывая, стоит ли совершать моцион. В результате теплолюбивая южная натура взяла свое. В гостиной да перед нагретым камином оно куда уютнее.

Псковское захолустье, где находилась деревня Медведевка, окруженная со всех сторон лесами, не отличалось идеальным климатом. Зимой морозно и сугробы по плечо, а летом — как повезет. Иногда зной, дышать нечем, а иногда зябко, даже в конце июня заморозки случаются. Прочие же времена года — ни то ни се. Нынче, например, весна выдалась ранняя, но мокрая: снег сошел в конце марта, и сразу же зарядили ливни. Медведевка, которую связывал с ближайшим городом один-единственный шлях, оказа-

лась во временной изоляции. Хорошо еще, что припасов и у крестьян, и у господ достаточно, никто не голодал. Неделю назад потоп прекратился, дорога подсохла, и конюх Ерофей рискнул пуститься в путь на телеге, чтобы купить свечей, табаку, галош и еще кой-чего из предметов первой необходимости. Вылазка завершилась успешно, однако наметни с утра небеса опять прохудились. Что поделаешь с капризной русской природой!

За дверью послышались скрежещущие звуки — это вернулся Алексей Петрович Максимов, он же Алекс, супруг Аниты, и старательно счищал скребком налипшую на сапоги грязь. Он, как рачительный хозяин, еще на рассвете решил обойти свои владения и проверить, в каком состоянии поля и не побило ли озимые.

В гостиной прибиралась служанка Вероника — шуршала тряпкой, смахивая пыль и намазывая на швабру замеченные в углах паутинные кружева. Анита свыклась с ее постоянным присутствием и обращала на нее внимания не больше, чем на мебель.

Алекс вошел в гостиную. Промокшую тужурку он оставил в передней, но с его волос текло, они слиплись стрелками.

— Погода дрянь! — констатировал он, хотя это и так было очевидно. — Чем занимаешься? А, кройка и шитье... — Он присмотрелся к буквам, которые были вычерчены аккуратными стежками на батистовом квадратице. — «Т», «А», «М» и недописанная завитушка. Дай подумать...

Если учесть, что через три дня мой день рождения, то это, видимо, подарок. А литеры означают... — тут он мгновение помедлил: — «Te amo, mi querido¹». Угадал?

— Ты делаешь успехи, — улыбнулась Ани-та. — За те два года, что мы живем вместе, ты стал поразительно догадливым.

Она не жаловалась на судьбу. Пекло гра-жданских войн в родной Испании, вынужден-ная эмиграция, смерть первого мужа — все это теперь в прошлом. В имении Алекса она нашла покой и семейное счастье. Зная свой неумный характер, Ани понимала, что рано или поздно ее снова потянет на приключения, но сейчас... сейчас так чертовски приятно было сидеть у ка-мина, под скрип рассыхающихся от жара балок старого дома, и заниматься милыми пустяками.

Максимов сел в кресло и потянулся к стояв-шему на подоконнике графинчику с наливкой.

— Я многое могу объяснить, — признал он не без самодовольства, — но есть вещи, находя-щиеся за гранью моего понимания.

— Это какие же?

— К примеру, иду я давеча по деревне и вижу, как из избы выходят крестьяне, в руках у них оглобля, к ней привязан колокольчик, а впереди идет баба и подметает веником прошлогоднюю траву. Я уж думал, кто-то из нас с ума сошел: или я, или они...

¹ Люблю тебя, мой дорогой (*исп.*).

— Э, Лексей Петрович! — бесцеремонно влезла Вероника и стрясла ему на голову клочок паутины. — Это ж Ксанку Прокудину сватали. Она из вепсов, а у них обычаи, как у нехристей.

— Положим, свадебные обряды у всех народов бессмысленные и беспощадные, — возразила Анита и перерезала ножничками шелковую нитку. — А про Ксану я знаю. Сама ей два дня назад разрешение давала замуж за кузнеца выйти.

— Теперь и я знаю. — Алекс плеснул себе наливки в хрустальную стопочку и с наслаждением выпил. — Уф-ф!.. Но согласись: увидишь такую процессию и рот разинешь: что происходит?

— Да? — Анита расправила платок с готовой вышивкой и посмотрела сквозь него на окно. — А если бы ты увидел в нашем дворе, скажем... верблюда, а на нем — столичную графиню, как бы ты это объяснил?

Алекс добродушно рассмеялся.

— Ну, тут и объяснять нечего! Это же полная нелепость...

— Серьезно? Тогда посмотри вон туда. — И она указала на только что протертые Вероникой оконные стекла.

Максимов проследил за ее пальцем и застыл с пустой стопкой в руке. Во дворе, аккуратно перед фасадом усадьбы, переминалось с ноги на ногу двугорбое животное с притороченными по бокам чемоданами. Видно было, что оно устало после долгой и трудной дороги, шерсть от дождя сваялась, и вид оно имело печальный. Меж его горбов сидела пышнотелая барыня в длинной

накидке без рукавов, известной под названием «ротонда», сафьяновых сапожках и зеленом берете, больше подходившем для светских раутов, чем для длительных вояжей по бездорожью. Барыня держала над головой кокетливый зонтик, которым силилась прикрыться от падавших с неба капель, и переругивалась со стоявшим подле верблюда погонщиком в чалме — видимо, требовала, чтобы он поскорее помог ей спуститься на грешную землю.

Анита бросила платок на стол и выпорхнула из дома.

— Мэри! Вы ли это? — воскликнула она, сбегав с крыльца в лужу размером с небольшой пруд.

— Нюточка! — вскричала дама в ротонде и ударила верблюда в бока пятками. — Да ляг же ты, болван, дай слезть!

Верблуду не улыбалось плюхаться брюхом в студеную воду, но погонщик в чалме дернул его за узду, и мохнатый великан с мученической гримасой покорился. Дама отшвырнула зонтик, засемила к Аните и с ходу троекратно расцеловала ее, истинно по-русски, со всем пылом и от души.

— Нюточка! Как я счастлива, что добралась до вас! Мы полдня шли по вашим джунглям, видели волков, зайцев, белок и еще бог весть каких ужасных хищников... Восхитительная Тмутаракань!

Эта эпатажная и во многом нелепая как по внешнему облику, так и по манере говорения

дама была петербургской приятельницей Аниты. Звали ее Марья Антоновна Госкина, и она многократно становилась объектом сплетен высшего общества. Ей было чуть меньше тридцати, но она уже пережила двух мужей. Первый — граф Госкин, одаривший ее титулом и четырехэтажным особняком на Невском проспекте, — скончался от сердечного приступа через два года после свадьбы. Поговаривали, что Марья Антоновна немало поспособствовала этому, но Анита досужим слухам не верила. Дряхлый граф имел отнюдь не богатырское здоровье, меж тем любил баловаться французскими коньяками и без удержу смолил трубку.

Марья Антоновна пребывала в трауре ровно год, после чего фортуна свела ее с женихом совершенно экзотическим. На тот момент разразилась англо-афганская война, и в Россию из Кабула прибыл родственник свергнутого и убитого шаха. Звали его Наджиб, он искал в северной стране убежища, а нашел еще и любовь. Страсть его к Марье Антоновне вспыхнула с такою силой, что он не задумываясь отрекся от веры предков и крестился с именем Афанасий. Когда он на законных основаниях сделал госпоже Госкиной предложение, она размышляла около трех месяцев и ответила согласием. Никто, включая Аниту, не смог выпытать, что подтолкнуло ее к принятию такого решения. Бегство Наджиба-Афанасия из шахских хором произошло столь поспешно, что он навряд ли успел захватить с собой и сотую долю накопленных на родине

богатств, поэтому его финансовые возможности оценивались весьма скромно. Впрочем, он был красив, по-восточному загадочен, а волочившийся за ним шлейф домыслов привлек к нему всеобщее внимание. Анита полагала, что Мэри вышла за него исключительно ради удовольствия попасть в центр пересудов.

Но и этот ее благоверный не задержался на белом свете. Нынешней зимой вздумалось ему покататься на русских санях (забава, о которой он в своем Кабуле и не мечтал), лошади понесли, возница с перепугу выпрыгнул, а новоиспеченный Афанасий грянулся лбом о фонарный столб и немедля перенесся в лучший мир.

Овдовев вторично, Марья Антоновна перестала появляться на людях, заперлась у себя в доме и никого не принимала. Судя по всему, безвременное расставание с мужьями не вошло у нее в привычку и вызвало глубокие переживания. Поэтому Анита была чрезвычайно изумлена, увидев ее у себя в имении, за сотни верст от Петербурга, да еще и на таком необычном транспортном средстве.

— Какими судьбами, Мэри? Вы откуда?

— Сейчас... — отвечала та, продолжая обнимать и расцеловывать подругу. — Сейчас все расскажу. Прикажете определить моего верблюда и накормить извозчика.

Анита кликнула конюха Ерофея. Он озадаченно воззрился на невиданную животину. Погонщик, недовольный паузой, пока на него и верблюда нещадно сеялся дождь, закаркал

что-то на непонятном наречии. Ерофей засуетился и увел их в конюшню, а Анита препроводила неожиданную гостью в дом.

Надо ли говорить, что и Максимова несказанно поразило прибытие графини Госкиной? Он галантно помог ей выпростаться из ротонды и накинул на плечи турецкий платок. Веронике велели прекратить возню с тряпками и в срочном порядке поставить самовар.

Марья Антоновна, распираемая желанием выговориться, приступила к рассказу. Она поведала, что после кончины Наджибчика осталась практически на бобах. Все доставшееся ей от афганского принца наследство состояло в ворохе ношенной одежды азиатского покроя, серебряном кулончике, который Наджиб подарил ей в день свадьбы, и сотне английских фунтов. Не разбежишься.

Однако, роясь в вещах почившего супруга, она наткнулась на конверт с надписью «Машеньке лично». В конверте лежала записка следующего содержания: «Когда поутру лишишься всего, найдешь».

— И больше ничего? — спросила заинтригованная Анита.

— Ничего, — уныло подтвердила Госкина. Но тотчас оживилась: — Наджибчик как-то обмолвился: если с ним что-нибудь случится, бедствовать я не буду. Ему удалось вывезти из Афганистана целое состояние, и оно будет моим.

— Не знаю. Но я уверена, что записка поможет его найти.

Анита задумалась. Пока что в этой истории было слишком много белых пятен, не позволявших выстраивать умозаключения.

— Если так, то почему бы ему прямо не сообщить вам, где находятся богатства?

— Он опасался! — Марья Антоновна перешла на лихорадочный шепот. — Говорил мне, что у него легион недоброжелателей, готовых устранить его и получить доступ к деньгам... Я думаю, что гибель Наджибчика не была случайной. Кстати, кучера, который не удержал сани, так потом и не нашли. Это неспроста!

— Вы считаете, что вашего мужа убили?

— Именно! А сейчас идет охота за его имуществом. — Госкина оглянулась на дверь и заговорила еще тише: — Через неделю после похорон кто-то пытался проникнуть в мой особняк. Ночью взломали окно на первом этаже... Спасибо слугам: услышали и подняли тревогу.

— Взломщиков поймали? — поинтересовался Максимов.

— Где там! Ловкие шельмы... никто их даже разглядеть толком не сумел. Но это еще не все! Три дня назад какой-то наглец забрался ко мне в будуар. Представляете! — Глаза графини округлились. — Я вхожу, а он стоит возле ночного столика и держит эту самую записку. — Она извлекла из-за корсажа серый надорванный конверт. — Рама распахнута, сквозняк... у меня волосы встали дыбом и от испуга, и от ветра... я